

С. Л. Фирсов, д. и. н., профессор
(Санкт-Петербург)

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

Изучение взаимоотношений, существовавших между выдающимися историческими лицами, жившими в одну и ту же эпоху, — дело, требующее от исследователя не только знания фактов, но и понимания психологических аспектов вопроса. Тем более, что в данном случае речь идет о двух святых — о праведном Кронштадтском пастыре и царе-страстотерпце, причисленном вместе с семьей к сонму мучеников и исповедников. И все-таки отказываться от решения поставленной задачи — значит признавать принципиальную невозможность ее разрешения. По моему убеждению, это было бы неверно, ибо и отец Иоанн, и император Николай II являются не только почитаемыми в православной среде святыми, но и яркими героями дореволюционной России, схематизация которой не может не влиять на ложное понимание прошлого.

В свое время граф С. Ю. Витте, человек скептического и прагматического ума, справедливо отметил, что определить человека «не только фразой, но многими страницами» чрезвычайно трудно. «Чтобы определить человека, нужно писать роман его жизни, — полагал граф. — А потому всякое определение человека — это только штрихи, в отдаленной степени определяющие его фигуру. Для лиц, знающих человека, эти штрихи бывают достаточными, ибо остальное восстанавливается собственным воображением и знанием, а для лиц, не знающих штрихи, дают очень отдаленное, а иногда и совершенно неправильное представление»¹. Со сказанным невозможно не согласиться: поправку на «искажение временем» необходимо делать всегда, когда речь заходит о восприятии лиц, жизнь и деяния которых уже давно стали достоянием истории.

Известно, что современниками отец Иоанн Кронштадтский воспринимался неоднозначно: глубоко почитаемый православными верующими России, прежде всего представителями «простого народа», он вызывал некоторое недоверие в аристократической и чиновной среде, в частности у обер-прокурора Св. Синода и учителя последнего самодержца К. П. Победоносцева. На это обстоятельство, думается, стоит обратить серьезное внимание: человек глубокой личной веры, безусловно и бескорыстно преданный самодержавной идее, Победоносцев, по мнению протоиерея Георгия Флоровского, «верил в *охранительную* прочность патриархальных устоев, но не верил в *созидательную* силу Христовой истины и правды». Опасаясь всякого действия, всякого движения, он предпочитал охранительное бездействие, казавшееся ему «*надежнее даже подвига*»².

Подобная философия естественно вела обер-прокурора по пути недоверия к Кронштадтскому пастырю — подвижнику и учителю духовного делания; в его глазах отец Иоанн был явным нарушителем тех «форм» церковной жизни, которые он считал единственно правильными и полезными. Всероссийскую славу отца Иоанна Победоносцев воспринимал скорее как «опасность», чем как благо для Российской Церкви. Изучая систему победоносцевского управления Церковью, современный исследователь А. Ю. Полунов использует термин «русский клерикализм», определяемый им как клерикализм светский: «...не наступление самостоятельной Церкви на общество, а попытки конфессионализации общественной жизни через самостоятельную Церковь-орудие при значительной помощи чисто светских средств»³. Разумеется, вписаться в систему «светского клерикализма» у отца Иоанна Кронштадтского не было никакой возможности. Это необходимо помнить, рассуждая на тему о том, как и какие могли складываться у него отношения с венценосным учеником обер-прокурора, мистически относившимся к своим монаршим прерогативам. К тому же, не стоит забывать, К. П. Победоносцев был учителем императора Александра III, отца последнего самодержца. В качестве воспитателя Победоносцев никогда не забывал напоминать своим ученикам, что в принятии решений самодержец должен руководствоваться не политическими, а религиозными убеждениями, так как принимал власть Божией милостью своих предков⁴. Таким образом, обер-прокурор Св. Синода внушал простую и принципиальную, по его убеждению, мысль: «делить» свою власть или «делегировать» ее кому-то русский самодержец не может и не должен. Есть он — и его верные подданные. Иначе Россия существовать не может, иначе — анархия и гибель. Усвоение этой мысли можно считать основным итогом политического воспитания Николая II, продолжавшегося в течение второй половины 1880-х гг.

Но было и еще одно обстоятельство, которое невозможно не учитывать, говоря о политическом воспитании императора Николая II. Если в конце 1860-х — 1870-х гг. Победоносцев формировался сам и формировал отца последнего самодержца в духе неприязни к решениям и поступкам Александра II, по сути был оп-

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2 : Рукописные заметки. С. 127–128.

² Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 412–413.

³ Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 81.

⁴ См. : Лукаюнов И. В. Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX — начале XX в. и власть. (Проблема правого реформаторства). СПб., 1993. (Машинопись). С. 360.

понентом царя-освободителя, то в 1880-е гг. он выступает в ином качестве — в качестве охранителя принципов, нашедших отражение в Манифесте 29 апреля 1881 г. У Победоносцева — учителя наследника престола теперь, в 1880-е гг., новая роль — он решает задачу воспитания цесаревича не в противодействии принципам правления монарха (как было в случае с Александром II), а в безусловном следовании традициям Александра III. Тем самым, вольно или невольно, Победоносцев закладывал основы политического инфантилизма наследника престола, не имевшего ни сил, ни желаний критически оценивать государственную деятельность державного родителя. Последствия этого сказались позже, когда цесаревич стал царем.

Впрочем, как бы то ни было, политическое воспитание императора Николая II шло в русле российской имперской модели, основанной на трех базовых принципах, емко и четко сформулированных еще в уваровской триаде.

Те же самые принципы с самых ранних лет усвоил и отец Иоанн, в 1855 г. окончивший столичную духовную академию и никогда не отделявший православия от самодержавия. В этом смысле Кронштадтский пастырь всегда был идейно солидарен с обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым, в те же годы, что и он, получавшим светское образование в Императорском училище правоведения. Следовательно, дело было не только (а быть может, и не столько) в усвоении базовых принципов русской монархической государственности, основанной на православии синодального образца, а в их восприятии. Формальное понимание «православия, самодержавия и народности» вовсе не было идентично монархическому мироощущению, в котором увязывались любовь к монарху и беззаветное служение Церкви. Здесь и проходила, как мне представляется, граница, не позволявшая православному Победоносцеву понять и принять отца Иоанна. Чем больше была слава Кронштадтского пастыря, с тем большим подозрением относились к нему чиновники обер-прокуратуры и даже престарелый столичный митрополит Исидор (Никольский).

Однако с формальной точки зрения все выглядело вполне благополучно, чему свидетельство — послужной список протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Именно при митрополите Исидоре он был награжден бархатной фиолетовой скуфьей (21 апреля 1861 г.), в 1864 г. указом духовной консистории назначен депутатом по Кронштадтскому благочинию, а в следующем году — катехизатором с одобрением произнесенных им в Андреевском соборе бесед; 26 марта 1866 г. «за отлично-усердную службу при Кронштадтской гимназии к качеству законоучителя получил бархатную фиолетовую камиллавку. В 1869 г. «за усердную службу и ревностное исполнение обязанностей» отцу Иоанну было преподано благословение Святейшего Синода, а 19 апреля 1870 г. его наградили золотым наперсным крестом от Святейшего Синода, через пять лет возведя в сан протоиерея, 20 декабря 1876 г. определив ключарем Андреевского собора в Кронштадте. В 1878 г. отец Иоанн получил свой первый орден — святой Анны (3-й степени), в 1883 году стал кавалером ордена святой Анны (2-й степени), а в 1887 году — ордена святого Владимира (4-й степени). Ранее, в год смерти императора Александра II, по архипастырскому благословию митрополита Исидора ему дозволили принять и носить поднесенный от прихожан крест с золотыми украшениями⁵.

И тем не менее из дневников отца Иоанна следует, что на протяжении многих лет столичный владыка обращался с ним холодно и резко. В 1890 г. Кронштадтский пастырь, тогда уже всемирно известный православный подвижник, с горечью записывал: «Ни разу за тридцать лет он меня не встретил по отечески, добрым словом или взглядом, а всегда унижительно, со строгостью и суровостью»⁶. Подобное отношение тем более показательно, что даже скептически настроенные к отцу Иоанну высокопоставленные деятели вынуждены были отмечать его удивительную славу, называя одним из самых крупных сил своего времени. Так, личный друг императора Александра III граф С. Д. Шереметев ставил отца Иоанна в один ряд с правящим государем и... Львом Николаевичем Толстым. Не понимая до конца значения Кронштадтского пастыря, граф, однако же, полагал, что в его деятельности, как и в деятельности великого русского романиста, «замешалось что-то постороннее, все равно заключается ли это постороннее в них самих или является ли оно навеянным извне. И это последнее, — резюмировал С. Д. Шереметев, — являющееся придачею к ним, имеет значение тины над чистым источником»⁷.

О том, что (и почему) понималось под «тиной», мы еще будем вынуждены говорить, сейчас же стоит отметить иное: отец Иоанн никак не может характеризоваться в качестве близкого к сановным кругам империи лицом, хотя многие представители известных русских семейств, начиная с конца 1890-х гг. просили Кронштадтского пастыря нанести им визит⁸. Показательно в этой связи отношение к нему С. Ю. Витте, который

⁵ См. подробно : Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 438. Д. 2989. Л. 1–4.

⁶ Цит. по : *Киценко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 231.

⁷ *Шереметев С. Д.* Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 574, 575.

⁸ Американский исследователь русского происхождения Н. Б. Киценко упоминает Волконских, Гагариных, Шереметевых, Апраксиных, Кропоткиных, Ланских, Шаховских, Татишевых, Кутузовых, Римских-Корсаковых, Святополк-Мирских, Оболенских, Багратионов, Лобановых-Ростовских, Трубецких, Муравьевых, Ольденбургских, Тизенгаузен, Куломзинных, Черкасских, Толстых, Ухтомских, Орловых, Голицыных, Танеевых и других (см. : *Киценко Н.* Указ. соч. С. 145).

познакомился с известным священником после того, как был назначен министром финансов. Предположив, что отец Иоанн «был человек совсем необразованный», граф далее отметил, что ему, как «и всем вообще россиянам», было известно о большом влиянии проповеди Кронштадтского пастыря и его почтенного образа жизни на простой русский народ. «Но на меня он никогда впечатления не производил, — добавил далее Витте, отметив: — Мои чувства в отношении Иоанна Кронштадтского подкупило то обстоятельство, что его очень чтит император Александр III. Когда Александр III умирал в Ливадии, то туда был вызван о[тец] Иоанн»⁹. Это традиционное замечание всегда упоминается, когда речь заходит об отношениях Кронштадтского пастыря и императорской фамилии. По большому счету, именно с этого времени и можно говорить о контактах отца Иоанна с венценосными властителями России, в том числе и с будущим императором Николаем II.

История начинается осенью 1894 г., когда безнадежно больной Александр III пребывал в Крыму. Именно тогда в Ливадию был приглашен отец Иоанн Кронштадтский. Если верить графу С. Д. Шереметеву, этому содействовала супруга великого князя Константина Николаевича — великая княгиня Александра Иосифовна. Император, якобы, «уже не противился, хотя до того ни разу не выразил желания принять его. Впрочем, — подчеркивал С. Д. Шереметев, — он (Александр III. — С. Ф.) выражался о нем сдержанно, словно мнение о нем у него еще не вполне установилось». Субъективные восприятия, как известно, не поддаются фактологической проверке, но необходимо помнить, что граф относился к Кронштадтскому пастырю без какого-либо пиетета. В частности, он заметил, что когда перед смертью монарха появился отец Иоанн «в качестве исполнителя “Миссии”, могли подумать, что нужна была нравственная поддержка умирающему; но когда они встретились лицом к лицу, тогда о[тец] Иоанн понял свое недомыслие». Шереметев видел пастыря, выходящим от царя, подавленного «величием праведника» и даже почерпнувшего в нем назидание¹⁰. Комментировать сказанное не стоит, важнее подчеркнуть иное: несмотря ни на что, к царю был призван тот, кого вся верующая православная Россия давно почитала как праведника и чудотворца. Само приглашение к болящему монарху возможно рассматривать как явную попытку преодолеть «средостение» — войти в непосредственную близость с тем, кого «простой народ» считал своим заступником и ходатаем перед Богом. Нравственный момент подобного приглашения был, думается, не менее важен, чем надежда на то, что Кронштадтский пастырь сумеет своими молитвами исцелить самодержца.

В октябре 1894 г. состоялась первая встреча с отцом Иоанном наследника русского престола. Отец Иоанн прибыл в Крым вместе с великой княгиней Александрой Иосифовной, королевой Эллинов Ольгой Константиновной, великой княгиней Марией Георгиевной (греческой принцессой, ставшей супругой великого князя Георгия Михайловича) и принцем Гессенским Христофором-Эрнестом-Августом. Совместное с высочайшими гостями путешествие завершилось 8 октября 1894 г., и в тот же день Кронштадтский пастырь отслужил обедню и (позже) молебен «для всех людей». Тогда же, по счастливому совпадению, цесаревич получил телеграмму от невесты — принцессы Аликс — о ее желании «миропомазаться по приезде»¹¹. В тягостной ситуации болезни Александра III случившееся рассматривалось как «нечаянная радость» и вселяла оптимизм.

Спустя сутки цесаревич имел возможность познакомиться лично и разговаривал с отцом Иоанном¹². О чем был разговор, неизвестно, но можно утверждать, что в тот день Кронштадтский пастырь не встречался с императором; более того — 9 октября его причащал протопресвитер придворного духовенства Иоанн Янышев. Лишь 10 октября, в день приезда в Ливадию принцессы Аликс, отец Иоанн сумел увидеться с царем. 12 октября большая часть императорского семейства, пребывавшего тогда в Крыму, присутствовала на обеде, которую в Ореандской церкви служил Кронштадтский пастырь. Цесаревич впервые мог наблюдать служение, столь непохожее на привычное ему с детства придворное. «Он очень резко делает возгласы, — заметил Николай Александрович, — как-то выкрикивает их — он прочел свою молитву за Папа, которая произвела сильное впечатление на меня. Дорогая Аликс тоже пошла со мной!»¹³

Надежды на выздоровление Александра III, однако же, не оправдались: 20 октября 1894 г. он мирно почил. «Около половины 3 он причастился Св[яты]х Таин; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! — записал в тот же день ставший самодержцем Николай II. — О[тец] Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»¹⁴ Пройдут годы, но этот момент навсегда останется в памяти последнего императора России. Не случайно в своем рескрипте, данном в январе 1909 г. по поводу кончины отца Иоанна Николай II не забыл упомянуть «скорбные дни предсмертного недуга в Бозе почивающего Родителя Нашего Императора Александра III, когда угаса-

⁹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Книга 2. С. 847.

¹⁰ Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 582, 583.

¹¹ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 40. Запись от 8 октября 1894 г.

¹² Там же. Запись от 9 октября 1894 г.

¹³ Там же. С. 41. Запись от 12 октября 1894 г.

¹⁴ Там же. С. 43.

ющий Царь, любимый народом, пожелал молитв и близости любимого народом молитвенника за Царя и Отечество»¹⁵.

Акцент на том, что *любимый народом* царь возжелал молитв *любимого народом* молитвенника, — глубоко символически и не случаен. Для Николая II идея единения самодержца и подданных никогда не была пустым звуком, и образ Кронштадтского пастыря публично декларировался им в рескрипте как символический образ объединителя. Выходец из народной среды, почитаемый и всенародно любимый — именно такой образ отца Иоанна представлял подданным официальный рескрипт. Дух рескрипта диссонировал с теми взглядами, которые внушал царю К. П. Победоносцев, но к тому времени многое из того, что проповедовал обер-прокурор Св. Синода, стало достоянием прошлого. Нельзя забывать и того, что в отношениях императора и Победоносцева доминировал не политический, а личностный фактор¹⁶. Консервативно-охранительное направление, которое отстаивал старый царский учитель, безусловно, в первую половину правления императора Николая II восторжествовало, но «торжество» это не стоит приписывать сугубому победоносцевскому влиянию.

Как показала история, понимание царем своей роли «отца Отечества» (или, если угодно, «царя-батюшки») основывалось не столько на политическом фундаменте, о котором много писал и говорил Победоносцев, сколько на мистическом основании: понимании себя преимущественно как Помазанника, осознающего, что «сердце царево в руке Божией». Тем самым царский «идеализм» противопоставлялся бюрократическому рационализму, как, кстати, и интеллигентскому скептицизму. По словам генерала А. А. Мосолова, «средостение — это бюрократия и интеллигенция, иными словами — люди, достигнувшие целей и стремившиеся их сменить. Это два врага, солидарные в стремлении умалить престиж царя. Эти две силы построили вокруг царя истинную стену, настоящую тюрьму. Стена эта препятствовала императору обратиться непосредственно к своему народу, сказать ему *как равный равному*, сколь он его любит» (выделено мной. — С. Ф.)¹⁷.

Указание на то, что к народу царь хотел обращаться *как равный к равному* — ключевое. Здесь следует искать основную причину тех расхождений между Николаем II и Победоносцевым, которая не позволяла им одинаково оценивать отца Иоанна Кронштадтского. Для Победоносцева народ не равен самодержцу, любовь к подданным не предполагала равенство. Да и сам обер-прокурор был чиновником, то есть представителем той части русского общества, которая самим фактом своего существования «отделяла» народ от царя. Отец Иоанн чиновником никогда не был, это было ясно с самого начала всем. Не случайно умиравший Александр III назвал Кронштадтского пастыря праведником, которого любит русский народ¹⁸.

Эти слова не могли не запасть в душу и вступившему на престол императору Николаю II, который в том же 1894 г. повелел отцу Иоанну присутствовать при бракосочетании Их Величеств, пожаловав ему драгоценный наперсный крест. В следующем году отец Иоанн присутствовал при Таинстве крещения первой дочери царя — великой княжны Ольги Николаевны, получив в качестве подарка царский портрет с собственноручной подписью государя. В мае 1896 г. Кронштадтский пастырь участвовал в служении Божественной литургии в Московском Успенском соборе, на коронационных торжествах. В 1899 г. его наградили высшей для белого клирика духовной наградой — митрой. В 1904 г. отец Иоанн вместе с высшими иерархами Православной Церкви участвовал в совершении Таинства крещения наследника престола — цесаревича Алексея Николаевича и служении литургии в церкви Петергофского дворца. К этому торжеству ему был Высочайше пожалован золотой наперсный крест с украшениями из драгоценных камней¹⁹.

Если говорить о «знаках монаршего внимания» к пастырю, то сказанное выше может служить безусловным доказательством того, что он неоднократно получал эти «знаки». Более того, в 1902 г. отец Иоанн оказался, хотя и косвенно, но причастен к частной жизни венценосцев. Речь идет о его встрече с первым «другом» царской семьи — лионским «магнетизером» Филиппом. Поверив в то, что он может помочь в рождении долгожданного наследника, императрица Александра Федоровна отнеслась к нему с полным доверием, которое в то же время разделяли близкие к ней тогда великие княгини — «черногорки» Милица и

¹⁵ Высочайший рескрипт // Церковные ведомости. 1909. № 3. С. 11.

¹⁶ Лукьянов И. В. Император Николай II и К. П. Победоносцев: трудности отношений ученика и учителя // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня кончины К. П. Победоносцева (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 года). СПб., 2007. С. 56.

¹⁷ Мосолов А. А., генерал. При Дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. М., 1992. С. 174.

¹⁸ См.: О. Иоанн у Государя Императора Александра III // Кронштадтский пастырь. 1912. № 3. С. 395. Об этом же сообщалось и в воспоминаниях королевы Эллинов Ольги Константиновны, в октябре 1894 г. находившейся в Ливадии. По ее словам, император Александр III заявил отцу Иоанну: «Вы святой человек, вы праведник, вот почему народ вас так любит» (цит. по: Гостомысл. Светлой памяти о. Иоанна Кронштадтского // Колокол. Ежедневная газета по вопросам политики и религии, науки и литературы, общественной, народной и церковной жизни. 1909. 9 января. № 856. Пятница. С. 1).

¹⁹ См.: Скорбь Царя и народа // Там же. 1908. 23 декабря. № 846. Вторник. С. 1.

Анастасия Николаевна. В начале сентября 1902 г. великая княгиня Милица Николаевна заявила великому князю Сергею Александровичу, что на свою деятельность Филипп якобы имел благословение отца Иоанна, к которому-де ездил в Кронштадт. Сергей Александрович, вызвав пастыря, услышал от него, что Филипп у него никогда не был, и что встреча между ними имело место в Знаменском — на даче у Милицы Николаевны. Однако разговаривать они не могли: отец Иоанн не знал французского, а Филипп не говорил по-русски, «так что свидание это прекратилось весьма скоро предложением идти всем в церковь молиться»²⁰.

Но есть информация и о другом, более показательном, «антифилипповском» заявлении Кронштадтского пастыря. Согласно ему, о. Иоанн, «призванный к царям», произнес, что лионский врачеватель «действует от духа прелести, нехороший человек, его молитвы негодны... от таких молитв плод жить не может»²¹. И действительно, в 1902 г. наследник на свет не явился, что стало огромным огорчением для императора и императрицы, породив к тому же всевозможные абсурдные слухи²².

Даже если приписываемые отцу Иоанну слова о Филиппе легендарны, уже то, что его познакомили с ним, — показательно и симптоматично. «Черногорки» прекрасно знали, насколько авторитетным в православных кругах было мнение Кронштадтского пастыря. Признание им лионского «магнетизера» позволило бы покончить с разговорами о «нездоровых» мистических увлечениях царской четы, доказать если не святость, то безобидность Филиппа. Но признания не последовало. То, что в дальнейшем царская чета и ее ближайшие друзья к отцу Иоанну Кронштадтскому уже не обращались, можно, думается, объяснить исходя из его отношения к Филиппу.

Таким образом, первый «друг» императора Николая II и императрицы Александры Федоровны признания в церковной среде не нашел. В дальнейшем, как уже говорилось, Кронштадтский пастырь участвовал в официальных церковных торжествах, связанных с царской семьей, но специально во дворец уже не приглашался. Духовником царской семьи он никогда не был, хотя эта версия, по словам Н. Б. Киценко, широко распространена на Западе, — точно так же, как и версия о том, что Кронштадтский пастырь избрал своим преемником Григория Распутина, представив сибирского странника царской семье²³. Такого рода слухи, на мой взгляд, интересны *только как апокрифические сказания*, получившие некоторое распространение в околоцерковных кругах русской эмиграции, и не более.

Правда, на данный вопрос можно посмотреть и с иной стороны, разобрав причины, заставлявшие немалых почитателей последнего русского монарха связывать воедино имя отца Иоанна и второго «друга» царской семьи. Для того, чтобы проанализировать эти причины, стоит вспомнить основные «апокрифы», связанные со «знакомством» Кронштадтского пастыря и Григория Распутина. Один из наиболее распространенных «апокрифов» приводится в монографии петербургского исследователя А. В. Терещука. Согласно приведенной им истории, Григорий Распутин приехал на службу отца Иоанна в Андреевский собор, простоял на коленях всю службу, а когда пастырь вышел из алтаря, то сразу же заметил сибирского странника, выделил его из нескольких тысяч молившихся, взял за руку, заставил встать и произнес сакраментальные слова: «В тебе горит искра Божья». После того как «старец» испросил благословения, отец Иоанн якобы ответил: «Господь тебя благословляет, сын мой». Затем Распутин принял причастие из рук Кронштадтского пастыря, который вскоре и познакомил его «с главными действующими лицами всей последующей истории его пребывания в столице империи»²⁴.

Логика приведенного апокрифа проста и понятна, тем более, что есть совершенно иные рассказы о состоявшейся в Андреевском соборе встрече. Так, певчий соборного хора Алексей Макушинский описывает историю о том, как по окончании службы к отцу Иоанну, вышедшему на амвон, подошел «рослый мужчина с черной бородой», просивший благословения. Отец Иоанн, отступив от него и простирая правую руку ладонью к нему, грозно вскричал: «Нет тебе моего благословения, ибо и жизнь твоя будет по твоей фамилии». Бородатым мужчиной оказался Распутин²⁵. Известно также, что насельницы столичного Иоанновского монастыря, духовно окормлявшегося Кронштадтским пастырем, не терпели Распутина и сделали все возможное, чтобы он прекратил посещение обители, в нижнем храме которой в декабре 1908 г. почитаемый православной Россией священник был погребен²⁶.

²⁰ Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. III. С. 161. Запись от 6 сентября 1902 г.

²¹ Цит. по : *Слюнькова И. Н.* О пребывании на празднике в Сарове 1903 г. царской семьи // V Всероссийская историческая научно-практическая конференция, посвященная 100-летию канонизации Серафима Саровского. Саров, 2004. С. 134.

²² См., напр. : *Половцев А. А.* Указ. соч. С. 156. Запись от 30 августа 1902 г.

²³ *Киценко Н.* Указ. соч. С. 146.

²⁴ *Терещук А.* Григорий Распутин. Последний «старец» Империи. СПб., 2006. С. 44–46.

²⁵ *Макушинский А.* Воспоминание бывшего певчего Кронштадтского Андреевского собора // Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. СПб.; М., 2003. С. 126–127.

²⁶ См. напр. : *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 203–204.

Вопрос об отношении отца Иоанна и Григория Распутина, таким образом, можно считать вполне разрешенным.

Впрочем, имеется одно «но». В 1917 г., по странному совпадению, в день рождения императора — 6 мая, Чрезвычайной Следственной Комиссией Временного правительства была допрошена ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны А. А. Вырубова, которой, среди прочих, пришлось отвечать и на вопрос о роли, какую в жизни царской семьи играл сибирский странник. Ответ был весьма показателен: «Они, — заявила о царской чете Анна Александровна, — так же верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться»²⁷. Получалось, что отца Иоанна и Григория Распутина объединяло то, что им «страшно верили» император Николай II и его венценосная супруга.

Насколько это так, наверняка сказать нельзя — документальных данных, подтверждающих «веру» в отца Иоанна, не имеется. Известно, однако, что сама А. А. Вырубова неоднократно в детстве видела Кронштадтского пастыря, посещавшего дом ее отца. Более того, в 1902 г. отец Иоанн излечил ее, практически умиравшую от брюшного тифа. Вспоминая о былом, подруга императрицы не забыла упомянуть, как государыня и ее сестра — великая княгиня Елизавета Федоровна поддерживали ее тогда: первая «присылала чудные цветы», которые вкладывали в руки находившейся без сознания Анне Александровне, а вторая — навещала²⁸. Зная о том, что для А. А. Вырубовой Григорий Распутин в дальнейшем стал духовным наставником и воспринимался как «старец», нетрудно предположить, что она перенесла на него и свое восприятие Кронштадтского пастыря, связав их фразой о доверии венценосцев.

Однако серьезные исследователи не спешат говорить об этом, наоборот, задаваясь вопросом о том, почему, собственно, самодержец и его супруга, «столкнувшись сперва с проблемой отсутствия наследника, а затем — с гемофилией единственного сына», не обратились к пользовавшемуся славой молитвенника и целителя отцу Иоанну²⁹. Ответы (а точнее сказать, версии) достаточно традиционны: обращение в отцу Иоанну в октябре 1894 г. не привело к исцелению Александра III, что могло восприниматься как знак: раз батюшка «потерпел неудачу» однажды, это может случиться и вновь. Другое объяснение — эклектичный характер религиозности императрицы.

Как бы то ни было, полагает Н. Б. Киценко, но к помощи отца Иоанна ни император Николай II, ни императрица Александра Федоровна не прибегали. Лишь великая княгиня Елизавета Федоровна «проявляла к нему нечто большее, чем светскую любезность». Н. Б. Киценко даже указывает, что Елизавета Федоровна рекомендовала будущему царю (в бытность его наследником престола) и сватался к принцессе Алике попросить совет у Кронштадтского пастыря³⁰. Как известно из дневника императора Николая II, такого совета он не брал (в любом случае, как уже приходилось выше писать, он познакомился с отцом Иоанном лишь в октябре 1894 г.).

Действительно, «к помощи» Кронштадтского пастыря венценосцы не прибегали, но из этого трудно делать вывод о том, что по отношению к всероссийски известному священнику проявлялась лишь «светская любезность». Пример сказанному — назначение отца Иоанна в Святейший Правительствующий Синод. Случай назначения к присутствию в высшем церковном органе белого клирика (не протопресвитера военного или придворного духовенства) для XIX — начала XX столетий был чем-то удивителен. Аналогов ему в синодальной истории найти вряд ли возможно. Так сложилось, что высочайшее соизволение на назначение последовало ровно за год до кончины Кронштадтского пастыря, когда он был уже сильно болен и принимать участие в заседаниях не мог. Отец Иоанн был вызван к присутствию вместе с архиепископом Томским Макарием (Парвицким-Невским) и епископами Саратовским Гермогеном (Долганевым), Орловским Серафимом (Чичаговым), Таврическим Алексием (Молчановым), Пензенским Митрофаном (Симашкевичем) и Вологодским Никоном (Рождественским). Тогда же от присутствия в Св. Синоде освободили архиепископов Рижского Агафангела (Преображенского) и Финляндского Сергия (Страгородского)³¹.

Важно отметить, что назначение отца Иоанна приурочивалось к зимней сессии, когда в Св. Синод призывались наиболее активные архиереи, рассматривавшие наиболее важные для Православной Церкви дела. Отец Иоанн оставался в Св. Синоде и далее, когда в мае (на летние месяцы) были уволены от присутствия архиепископ Макарий и епископы Алексей, Гермоген, Серафим, Митрофан и Никон, а также митрополиты

²⁷ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. III. С. 238.

²⁸ См.: Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 25–26.

²⁹ См.: Киценко Н. Указ. соч. С. 148.

³⁰ Там же.

³¹ Высочайшее повеление // Церковные ведомости. 1908. № 1. С. 1.

Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий)³². В сентябре 1908 г. для присутствия вызвали уволенных на лето митрополитов Владимира и Флавиана, а также архиепископов Волынского Антония (Храповицкого), Варшавского Николая (Зиорова) и епископов Тамбовского Иннокентия (Беляева) и Холмского Евлогия (Георгиевского). На зимнюю сессию был оставлен и вызванный к присутствию еще 6 июня архиепископ Сергей (Страгородский).

Показательно, что все архиереи, назначенные в Св. Синод в декабре 1907 г. (архиепископ Томский и епископы Орловский, Саратовский, Таврический, Пензенский и Вологодский; кроме того — и архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)), были освобождены от присутствия. В высочайшем повелении, где заявлялось, что названные архиереи более не участвуют в заседаниях, содержалось примечательное указание об оставлении «*присутствующим в Святейшей Синоде протоиерея Кронштадтского Андреевского собора Иоанна Сергиева*» (выделено мной. — С. Ф.)³³.

Почему император решил оставить в составе высшего церковного правительства отца Иоанна? Можно только предполагать.

Рассуждая формально, можно припомнить о том, что лично Николай II списки членов Св. Синода не составлял, соглашаясь (или не соглашаясь) с предложениями, которые на его утверждение приносил глава ведомства православного исповедания, в то время П. П. Извольский, по воспоминаниям современников, «добрый и благожелательный» обер-прокурор³⁴, не только церковный, но и истинно религиозный человек³⁵. Однако быть «инициатором» назначения отца Иоанна членом Св. Синода П. П. Извольский вряд ли мог: влияния на церковные дела (а следовательно, и на церковные назначения) он не имел. Более того, публицисты, обсуждая его отставку, случившуюся в феврале 1909 г., отмечали, что обер-прокурор «ни в чем не обнаруживал инициативы плыть против синодских течений», часто последним узнавая об «активных» выступлениях Св. Синода. Этим был неудовлетворен премьер-министр П. А. Столыпин, тяготившийся «своим» обер-прокурором³⁶.

Если все было именно так, как полагали информированные современники, то инициативу выдвижения отца Иоанна Кронштадтского следует приписать либо активности постоянных членов Св. Синода (о чем судить достаточно трудно³⁷), либо личному желанию государя, о котором как им, так и обер-прокурору было известно. Хотя, согласно информации публициста газеты «Колокол», отец Иоанн был призван к заседанию в Св. Синоде на зимнюю и весеннюю сессии» по воле Государя Императора, совещанием трех митрополитов и г. обер-прокурора Св. Синода» — вместе с иерархами, известными «своею особливою попечительностью о нуждах Церкви и строгою ревностью о чистоте православия». Показательно также, что в 1908 г. состав присутствующих в высшем церковном органе достиг самого большого за все время синодальной истории числа — двенадцати³⁸.

В любом случае, факт остается фактом: в последний год своей земной жизни отец Иоанн, никогда не занимавший важной церковной должности, получил официальное признание. Это можно считать ударом по победоносцевским принципам церковного управления, нарушением тех «правил игры», которые к началу XX в., казалось бы, прочно укоренились в жизни главной конфессии империи.

Но назначение отца Иоанна в Св. Синод можно рассматривать и как гласную поддержку его церковно-общественной позиции, четко заявленную в годы политических нестроений и революции 1905–1907 гг. Именно тогда Кронштадтский пастырь чаще, чем ранее в проповедях, стал заявлять о своем восприятии идеальной России, которая, по его убеждению, была жива прочной связью православия и самодержавия. Патриотизм окрашивался у него преимущественно в религиозные тона. «Россия будет сильною внутри и извне лишь своею внутреннею правдою, единодушием и взаимопомощью всех сословий, беззаветной преданностью Церкви, Престолу Царскому и Отечеству», — поучал отец Иоанн³⁹. Процитировавший эти слова

³² Высочайшее повеление // Церковные ведомости. 1908. № 1. С. 1. Тогда же вызов в Св. Синод на летние месяцы получил Экзарх Грузии архиепископ Никон (Софийский).

³³ Там же. № 38. С. 1.

³⁴ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 181.

³⁵ [Жевахов Н. Д.] Воспоминания товарища последнего обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 274.

³⁶ Львов Л. К отставке П. П. Извольского // Речь. 1909. 6 февраля. № 36. Пятница. С. 3.

³⁷ Незадолго до кончины, в дневнике, отец Иоанн записал следующее: «Господи, убери М[итрополита] Антония, J. Janitshava [И. Янышева, духовника царской семьи — С. Ф.] и проч[их] неверных людей! Пошли твердых в веру и благочестии»: (Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. М., 2003. С. 70. Запись от 7 октября 1908 года). Отношение Кронштадтского пастыря к первоприсутствующему члену Св. Синода (равно как и отношение к протопресвитеру придворного духовенства) — налицо.

³⁸ Э. Я. Православная Церковь в 1908 году // Колокол. Ежедневная газета по вопросам политики и религии, науки и литературы, общественной, народной и церковной жизни. 1909. 3 января. № 852. Суббота. С. 1.

³⁹ Цит. по: Семенов-Тянь-Шанский А., *en[uscon]*. Отец Иоанн Кронштадтский. Paris, 1990. С. 238.

епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский), биограф пастыря, поясняя сказанное, подчеркивал, что «Отечество земное и отец его — Царь, прежде всего суть образы, символы Отечества и Царя Небесного. Символ в данном случае значит — и образ и путь»⁴⁰.

Более точно, пожалуй, трудно сформулировать политическое credo Кронштадтского пастыря, до конца дней убежденного в правоте уваровской триады. Девальвация старых идеологических принципов для него означала и девальвацию морально-нравственных устоев, на которых держалась православная Российская империя. Соответственно, революционные катаклизмы воспринимались отцом Иоанном не иначе как беснование — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вынужденный покинуть в разгар революции Кронштадт (что ему долго припоминала радикальная интеллигенция), отец Иоанн и после того, как она была в основном подавлена, не изменил тональности своих проповедей, возглашая, что «если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты — безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние Царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония». Кронштадтский пастырь осуждал и «высшее правительство, потворствовавшее беспорядкам»⁴¹.

На последнее обстоятельство необходимо обратить дополнительное внимание: для отца Иоанна следование изначально усвоенному принципу было важнее чинопочитания; он никогда не шел на компромиссы с тем, что считал жизненно верным и церковно правильным. Показательно, что за два месяца до кончины он занес в дневник весьма характерную молитву, в которой просил «вразумить» как «студентов», так и «власти». Вот она:

«Господи, вразуми студентов; вразуми власти; дай им правду Твою и силу Твою, державу Твою. Господи, да воспрянет спящий Царь, переставший действовать властью своею; дай ему мужество, мудрость, дальновидность.

Господи, мир в смятении; диавол торжествует, правда поругана. Восстань, Господи, в помощь Церкви Святой. Аминь»⁴².

Понять эту молитву, полагаю, возможно лишь в контексте отношения отца Иоанна к революции 1905 г. и связанным с ней изменениям в жизни империи. Самодержец всегда был для него фигурой сакральной, измена которому воспринималась не только как политическое, но и прежде всего религиозное преступление. Он глубоко почитал монархический принцип государственного устройства России, молясь за тех, кто, по его убеждению, его безусловно отстаивал.

Незадолго до кончины, во сне Кронштадтский пастырь видел молящегося в его спальне императора Александра III и «наследника младенца видел в нескольких актах, очень ласкового, — видел торжественную процессию какой-то царской свадьбы, смесь всего и великого, и смешного»⁴³. В его дневнике это последняя запись, непосредственно касающаяся представителей императорской семьи; вскоре силы оставили отца Иоанна и он прекратил ведение дневника.

20 декабря 1908 г. в 7 ½ часов утра Кронштадтский пастырь тихо скончался. Вся православная Россия немедленно отозвалась на это скорбное событие. Церковная газета «Колокол» в статье, посвященной памяти отца Иоанна, назвала его «могучим орудием религиозного пробуждения»⁴⁴, а «Новое время» — святым пастырем. В статье нововременского журналиста М. О. Меньшикова подчеркивалось, что отец Иоанн был человеком, единственным по близости к народному сердцу. «Только “святой” объемлет все воображение народное, всю любовь, — писал М. О. Меньшиков, — и особенно восторженную любовь наиболее любящей половины нации — женщин. За эти тридцать лет ни один человек в России не сосредотачивал на себе такого всеобщего поклонения, как “кронштадтский батюшка”». Он припомнил выступления отца Иоанна против революции, назвав его самым великим, что создал простой народ за последние 80 лет. Он «сам был святою Русью, — восклицал журналист, — сам нес ее в своем сердце!»⁴⁵

Высочайшего отклика на кончину отца Иоанна в декабре 1908 года не последовало. Но 22 декабря, когда гроб с почившим пастырем переносился из Кронштадта в Петербург, по особому повелению государя, траурное шествие остановилось на некоторое время у Зимнего дворца — для свершения литии. На гроб отца Иоанна от имени императрицы Александры Федоровны обер-церемонимейстером Двора графом Гендри-

⁴⁰ Цит. по : Семенов-Тянь-Шанский А., *en[ископ]*. Отец Иоанн Кронштадтский. Paris, 1990. С. 238..

⁴¹ См. : Там же. С. 243.

⁴² Святой праведный Иоанн Кронштадтский... С. 72. Запись от 10 октября 1908 г.

⁴³ Там же. С. 79–80. Запись от 25 октября 1908 г.

⁴⁴ Всероссийский Батюшка о. Иоанн // Колокол. Ежедневная газета по вопросам политики и религии, науки и литературы, общественной, народной и церковной жизни. 1908. 21 декабря. № 845. Воскресенье. С. 1.

⁴⁵ Меньшиков М. Памяти святого пастыря // Новое время. 1908. 23 декабря. № 11777. Вторник. С. 3–4.

ковым был возложен крест из цветов⁴⁶. На груди почившего лежал также венок, присланный вдовствующей императрицей Марией Федоровной⁴⁷.

При этом никто из высочайших персон на похороны Кронштадтского пастыря не явился. Официальная жизнь императорской четы текла по-прежнему. 22 декабря, в день переноса гроба с почившим Кронштадтским пастырем в Петербург, государь вместе с Александрой Федоровной и дочерьми участвовал в полковом празднике 148-го Каспийского пехотного полка, проходившем в Царском Селе. По окончании церемониального марша в Большом Царском дворце, в высочайшем присутствии, состоялся завтрак с участием командира и офицеров полка, военного начальства и лиц Свиты⁴⁸. Точно также — «по расписанию» — прошел у Николая II и день похорон отца Иоанна, 23 декабря. Тогда государь принял в Царском Селе министра Императорского Двора барона В. Б. Фредерикса, военного министра генерала А. Ф. Редигера, министра иностранных дел А. П. Извольского и начальника Генерального штаба генерала В. А. Сухомлинова⁴⁹.

Как видим, кончина и погребение всероссийски почитаемого пастыря не внесли никаких изменений в жизнь императора и его близких. На похороны они не прибыли. Только 25 декабря 1908 г. поклониться гробнице отца Иоанна прибыли великие княгини Милица и Анастасия Николаевны — супруги великих князей Петра и Николая Николаевичей⁵⁰.

Можно ли считать все это проявлением неуважения к памяти Кронштадтского пастыря со стороны представителей царской семьи?

Полагаю, так ставить вопрос неправильно. Император Николай II в исключительных случаях присутствовал на панихидах по своим подданным и крайне редко присылал на их могилы цветы (достаточно вспомнить «забытого» самодержцем К. П. Победоносцева, скончавшегося в марте 1907 г.). Лишь те, кого в царской семье считали «своим», после смерти удостоивались особой чести: присутствия на их похоронах венценосных особ. Такой чести, например, удостоился лейб-медик Г. И. Гирш, на панихиде по которому государь был 8 марта 1907 г.⁵¹, или Григорий Ефимович Распутин: на его похороны Николай II прибыл во время войны из Ставки⁵². Отец Иоанн, несмотря на глубокое уважение к нему семьи последнего самодержца, близким ни к императрице, ни к императору человеком все-таки не был.

Поэтому и ожидать появления высочайших особ на похоронах Кронштадтского пастыря не приходилось. Тем более, что свое глубокое уважение к почившему «всероссийскому батюшке» государь вскоре доказал, подписав рескрипт на имя столичного митрополита Антония (Вадковского). И хотя рескрипт был датирован лишь 12-м января 1909 г., в нем Николай II нашел проникновенные слова о почившем, назвав его «великим светильником Церкви Христовой» и «молитвенником Земли Русской». В рескрипте император вспомнил о кончине своего отца, который, умирая, «пожелал молитв и близости любимого народом молитвенника за Царя и Отечество». Тем самым Николай II заявил о том, что отец Иоанн символизировал мистическую связь царя и народа, связь без «средостения». Видимо поэтому государь указал, что он «вместе с возлюбленным народом» решил дать достойное выражение «совместной скорби», в грядущие годы регулярно ознаменовывая день кончины пастыря молитвенным поминовением, «а в нынешнем году приурочив оное к сороковому дню оплакиваемого события». В качестве первого блюстителя церковных интересов император ожидал, что Св. Синод возглавит это начинание⁵³.

Определения Св. Синода не заставили себя долго ждать: уже 15 января члены высшего церковного органа приняли решения, развивавшие мысли, изложенные в высочайшем рескрипте. На сороковой день кончины отца Иоанна, приходившийся на 28 января, митрополиты С.-Петербургский, Московский и Киевский должны были совершить заупокойную литургию, а после нее — панихиду. Такие же службы архиерейским служением должны были совершиться в столице, в Москве и в Киеве. Православные архиереи, равно как и протопресвитеры придворного и военного духовенства получили распоряжения также организовать совершение заупокойной литургии и панихиды в подведомственных им храмах, духовно-учебных заведений и церковных школах. Св. Синод установил ежегодное совершение заупокойной литургии и литии по отцу Иоанну во всех храмах империи 20 декабря, в день кончины Кронштадтского пастыря. В первую годовщину кончины все епархиальные преосвященные и протопресвитеры придворного и военного духовенства обязывались устроить внебогослужебные собеседования с чтением на темы, посвященные памяти императора

⁴⁶ Вечерняя хроника // Там же. 1908. 24 декабря. № 11778. Среда. С. 2.

⁴⁷ Гостомысл // Похороны о. Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского) // Колокол. Ежедневная газета по вопросам политики и религии, науки и литературы, общественной, народной и церковной жизни. 1908. 24 декабря. № 847. Среда. С. 1.

⁴⁸ Парад Каспийцев // Новое время. 1908. 23 декабря. № 11777. Вторник. С. 5.

⁴⁹ Придворные известия // Там же. 1908. 24 декабря. № 11778. Среда. С. 5.

⁵⁰ См. : В усыпальнице всемирного молитвенника о. Иоанна Кронштадтского // Кронштадтский маяк. 1909. № 4. С. 5.

⁵¹ Дневники императора Николая II. С. 357. Запись от 8 марта 1907 г.

⁵² Там же. С. 616. Запись от 21 декабря 1916 г.

⁵³ Высочайший рескрипт // Церковные ведомости. 1909. № 3. С. 11–12.

Александра III и отца Иоанна. Предусматривалось пригласить духовенство к пожертвованиям на учреждение стипендий имени Кронштадтского пастыря и к приобретению его портретов для размещения в актовом зале духовных учебных заведениях. В программы семинарий (по гомилетике и практическому руководству для пастырей) планировалось ввести изучение биографии отца Иоанна. Архангельский архиерей должен был представить Св. Синоду заключение об учреждении училища пастырства имени отца Иоанна; учрежденное ранее в Житомире училище получило его имя. Иоанно-Богословский женский монастырь, где был погребен Кронштадтский пастырь, «чести ради» возводилось в ранг первоклассного⁵⁴.

Повторив слова императора о кончине великого молитвенника Земли Русской и яркого светильника Церкви, Св. Синод громкогласно заявил, что кончина отца Иоанна «является великим событием в нашей Церкви и Отечестве», по сути подчеркнув уникальность переживавшегося тогда события. Издательская комиссия получила распоряжение Св. Синода о напечатании (в количестве 40 тысяч экземпляров) и рассылке портретов почившего настоятеля Андреевского собора по всем церковным школам империи⁵⁵. Не будет преувеличением сказать, что подобное увековечивание памяти почившего православного пастыря было в синодальной истории впервые. Речь шла о подготовке канонизации, хотя далеко не все представители так называемого «образованного общества» до конца понимали смысл церковно-общественной деятельности отца Иоанна, называя его «загадочной личностью»⁵⁶.

Но даже те, кто так к нему относился, вынуждены были признать, что «в нем была гигантская вера, дававшая ему гигантскую мощь; мощь святости. Он был избранником всего русского народа», — писал генерал А. А. Киреев, называвший Кронштадтского пастыря народным героем и самым популярным человеком в России⁵⁷.

Безусловно, понимал это и император, для которого отец Иоанн был не только великим молитвенником и чудотворцем, по слову В. В. Розанова, — «вождем уверования, воскрешителем веры», поднявшим волну религиозности в народе⁵⁸. Для Николая II он был символом живой связи монарха с этим самым народом, ибо войти с ним в непосредственную близость, помимо посредников, было одной из главных целей последнего государя.

*Н. Ю. Сухова, магистр богословия, к. и. н.
(ПСТГУ)*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В НЕЙ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Настоящая статья посвящена, казалось бы, не самой яркой и важной странице в жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского — его обучению в духовной академии. На фоне той славы, которой окружено последующее служение святого Иоанна, его великих деяний, чудотворений, влияния на церковное, богословское, литургическое сознание современников и последующих поколений, период богословского образования будущего «всероссийского пастыря» кажется не столь важным. Нередко нивелируется само значение духовной школы в жизни святого, а его живое чувство веры, желание жить не для рационального знания, а для Бога и для людей, или — в Боге и в людях осознанно отделяются от полученного духовного образования, как благодатные дары, стяженные и развитые «вопреки» ему. Обобщение этих замечаний ведет к тяжелому и несправедливому, но, к сожалению, нередкому противопоставлению «жизни духовной школы» и «школы духовной жизни».

Вторая коллизия, которую нередко видят в соотнесении духовной школы XIX — начала XX в. и служения святого пастыря, является более конкретной и профессиональной, причем связана она преимущественно с *высшей* духовной школой. Нередко приводимая статистика рукоположений духовно-академических воспитанников, образ профессора-«пиджачника» как наиболее реального итога высшего духовного образова-

⁵⁴ Определения Св. Синода // Там же. С. 12–13.

⁵⁵ Там же. С. 14–15. См. также: *Киценко Н.* Указ. соч. С. 323–324.

⁵⁶ См., напр.: *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* М., 1999. С. 382. Запись от 21 марта 1900 г.; *Дневник А. А. Киреева* // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. (РО РГБ). Ф. 126. Д. 14. Л. 341. Запись от 22 декабря 1908 г.

⁵⁷ Там же. Л. 341, 341об. Запись от 22 декабря 1908 г.

⁵⁸ *Розанов В.* Личность отца Иоанна Кронштадтского // Святой Иоанн Кронштадтский... С. 174.